

ГЛАВА 8

ВТОРАЯ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТИ

ИГРА

Продолжение. Начало в № 2, 3, 4 за 2016 год

Рисунок Эдуарда Дудина

3 аскочив домой, Брюховец первым пунктом сборов постановил написание записки, кою и вымучил, постаравшись ничего не раскрыть из служебной сверхсекретной информации, доступной только для особо доверенных сотрудников подразделения.

Забрав в ванной туалетные принадлежности, он вернулся в комнату и, быстро взяв из шкафа необходимые носильные вещи, достал из-за дивана синий раздавленный в блин давно не использовавшийся по прямому назначению саквояж. Он присел над ним, быстро покидал в него собранное, посмотрел внутрь, порылся, заново проверяя содержимое. На лице его отразились несомненные мыслительные усилия, приведшие к радостной предвкушающей улыбке.

С целеустремленностью золотоискателя Брюховец внедрился в рухлядь за дверью и откопал из завалов наборную гантель килограммов на семь. Его лицо засветилось. С трудом покачав на весу, он засунул ее поглубже в саквояж и застегнул его на перекидной замок.

Скоротечно помыслив, все ли он предусмотрел, Брюховец постановил, что труба зовет, все собрано, и попытался быстро подхватить округлившийся саквояж. Вес он взял, но покачал головой от перегруза.

Уже выйдя в коридор, он неожиданно столкнулся с поджавшей губы от обиды теткой. Та посчитала, что черствый Брюховец опять скрытно уходит из дома, не предупредив родную душу. Тетка молча стояла, как статуя Фемиды, держа в вытянутой руке свисавшую с вешалки форму зятя, которую хранила в своем шкафу, как более защищенном от моли и пыли.

Брюховец некоторое время расшаркивался перед обидчивой теткой, убеждая, что он ну ничего пока точно и, главное, наверняка не знает и сообщить не может о некоем тайном задании особой важности, полученном с коллегой, ожидающим своего наставника, то есть Брюховца. Пообещав позвонить, когда ясность наступит, Брюховец отклонил форму ввиду секретности миссии и наконец расквитался с теткой, которая так и не проронила ни слова, стараясь тем уязвить толстокожего зятя побольнее.

До службы Брюховец доехал на троллейбусе, естественно, бесплатно. Перехватывая саквояж из руки в руку через каждые десять шагов, он дотягился до проходной. Постовой кивнул, пропуская, буднично осведомившись, не тащит ли он бомбу.

— В командировку.

— А... Надеюсь, на транспорте, — усмехнулся страж ворот сочувственно.

Послав его к черту, Брюховец миновал скверик, с усилием открыл тяжелые дубовые двери управления. На второй этаж он поднялся на лифте.

Коротких уже был в кабинете и слушал Левин рассказ. Лева смеялся одними глазами и топорщил усы:

— ...и Петя — так, нехотя, как обычно, — доствает свой гроссбух и спрашивает...

— Ты про что? Бережной наш? — влез в повествование Брюховец, скинув ношу.

— Фамилия, говорит, ваша как? А тот ему: «Киргизов». А наш толстолобик ему: «А национальность почему — узбек?»

Коротких заулыбался.

— О, ну, ка-а-нечко, кроссовки новые на ем, — дурашливо переключил внимание на Брюховца Лева. — На работу как на праздник. Женщины штабелями попадают!

— Почему толстолобик? — пропустил Левин пассаж Брюховец.

— Лобик толстый, — пошевелил усами Лева.

Скорый на расправу Коротких скомандовал замешивать, и Брюховец полез в Петину тумбочку за домино.

— Смотри, чтобы не закусали, — предупредил Коротких. — Агрессивные они у него.

— Плохо кормит, — прибавил Лева.

— А Петручио? — Брюховец нашарил коробку.

— Сейчас придет. Я у Валеры уже был. — Коротких посмотрел на Брюховца. — Сам вызвал, тебя не было, — успокоил он напарника. — Вся информация есть. Они их доведут по городу. Потом наша очередь.

— Так вы — в отрыв?! — позавидовал Лева. — Теперь понятно. Глядишь, подопечные на юга двинут, так вы разгуляетесь.

— Разгуляешься на наши лимиты, — посетовал Брюховец.

Лева нарочито отмахнулся от него:

— А что солдату нужно? На полном же обеспечении... Женщины — за счет профсоюза, — дожимал он ситуацию.

Припелся Петя с пухлой папкой под мышкой.

— На. Тебе передали. Компра на лиходеев. — Он отдал папку Леве. — Распишись. — И положил сверху листок.

Лева взял со своего стола шариковую ручку и безуспешно попытался расписать ее.

— У-у, сволочи, весь стержень выписали, пока меня не было. — Он с досадой швырнул ручку в урну. — Чего мне-то?

— Ты начинал, — ответил Петя, — тебе и заканчивать. И потом, ты у нас специалист по этим — нелегалам.

— Принять не могу! Рад бы, да ручка отказала. Весь стержень исписали, куркули! Не думали, поди, о последствиях такого неосторожного шага. А придется расплачиваться! Да, так-то вот.

— Ну, дарю. — Петя достал из ящика стола ручку.

— Ого, аттракцион невиданной щедрости! Что ты мне за фуфломицин подсовываешь? На помойке нашел? Во, как избавиться хочет. Легкотрудник! Прошу общественность обратить внимание... Ладно, давай. Я на этом деле премию заработаю.

— Давай, давай! Разве только от них. — Петя постучал пальцем по папке.

Разом все четверо подсели к столу. Петя отработанным движением покрутил костяшки. Торопыга Брюховец тут же начал выхватывать из-под ладоней.

— Не торопись, а то успеешь, — осадил его Петя.

— Он их знает в лицо, — поддержал Лева. — Так, ну что, наша родная бразильская система? Четыре-два-четыре?

Дальше раздавалось резкое щелканье костяшек о стол и периодическое гупанье ладонью. Играли сыгранными парами, азартно, быстро начиня новую партию. Коротких с Брюховцом, Лева с Петей.

Начиналась каждая партия всегда с привычного стандартного Петиного вопроса, о том, кто ставщик, кому, то бишь, выходить. На что он неизменно получал дружный ответ, дескать, кто спрашивает, тот обычно и ходит.

Наконец объявлялся реальный ставщик, и дальше заворачивалась круговорть. Но только после такого же ритуального объявления партнером выходящего, что они оба — ставщики.

— Мой ход, мы выиграли! — объявил Брюховец.

— Ну так ходи!

— Что — нету? — съязвил Петя. — Лошадью ходи.

— А мы — вот так! — вышел Брюховец.

— Ах так. А мы — вот так.

— Двумя отходи!

— Куда там ему отходить?

— В сортир.

— Вот это — пускай.

— Правильно, руби ихних!

— Всех не перерубишь!

— Ой, напужал тележким скрипом.

— Ты ходи, тут ходить надо, в шыш-быш думай!

— Куда ты пошел?! Куда ты пошел?! Ты что, не видишь, что я несу?! — взвился Коротких, преображаясь в игре.

— Так, начальник, разбор полетов потом.

— Действительно, он же бубну несет, Эдуардо, — издевательски подначивал Лева.

— В сенях забью, вожжами. — Коротких поспел и грохнул по столу пятерней, нарушив порядок извилистой кишкой. — Рыба!

Петя с Левой озабоченно осмотрели позицию, и Лева протянул:

— Какие сазаны...

Петя, как автомат, перезарядился и возобновил замес.

— Смотри не переворачивай, — заметил Брюховец.

— Расстроился, — отметил Коротких. — Да, это тебе не с лохами на пиво играть. По системе шесть-восемь.

— А что, неплохо мы их, — обрадовался приятным воспоминаниям Петя. — Я — ставщиком начинаю. — От возбуждения он бросил работать. — Себе беру шесть камней, Леве — восемь, и тянем этих криминалистов... Партию за партией. Партия — кружка. Прикинь, пятнадцать — ноль. Всухую! А для них — вмокнюю! Пиво раздавали там всем, прикинь...

— Трудно поверить... — вставил Лева, имея в виду знакомую не поналышке прижимистость коллеги Петра.

— И эти бараны ни хрена не просекли.

— Понятное дело — без микроскопов. А отпечатков выше крыши. Все ж наследили. Растверялись, в общем, — скороговоркой сказал Лева. — Давай, не останавливайся!

Брюховец встрепенулся, сомневаясь в таких интеллектуальных способностях противников. Лева почти дотянулся до головы гибкого Брюховца, чтобы по-отечески потрепать малыша-несмысленыша. Петя гыгыкнул и принялся за организацию водоворота. Но возбуждение не прошло, и несколько костяшек упало на пол.

— Да, домино — вторая по интеллектуальности игра, — распушил усы в паузе Лева. — Это им не пробирки со слюной нюхать!

— После шахмат? — поинтересовался Брюховец.

— После перетягивания каната.

— Молчи уж, лишенец, народная игра. — Петя почесал плешь, включаясь в игру. — Над святым шутишь. Кто ставщик?

— Кто спрашивает.

— Мы оба — ставщики.

— Пошел ты...

— Пошел он... Ну, кто так выходит, тупорылый?

— Да, ты и дал, Эду. Не чувствуешь, как воняет?

— Молчи, грусть, молчи...

— А мы вот так...

— Полегче. — Лева поправил выстроенную колбаску.

Коротких тягостно задумался. Постукивая kostяшками, Петя предположил, не рыба ли опять.

— Недолго мучилась старушка в гвардейских опытных руках, — прибавил настороженно Лева.

Но Коротких стукнул пальцем по столу, пропуская ход.

— Ну ты, блин, орел! Не заметил сразу? Ходи, Петя!

— Зоркий сокол. Тогда вот так. — Петя довольно хрюстнул по столу. — Лезьте под стол!

— Будете вить гнезда там, — прибавил Лева.

— Камни, Петя, крапленые у тебя, — отшутился Брюховец.

— Так, а может, за пивком? — предложил Петя.

— А кто пойдет? — осведомился Лева и посмотрел на Брюховца.

— Спички надо тянуть, — ответил тот.

— Зачем спички, монету бросим, — проговорил Лева, закуривая, и под взглядом Коротких полез открывать окно. — Орел — ты побежишь, решка — Петя, ну а если рубом станет — я. Так и быть!

— А в воздухе зависнет — Васисуалий Сергеевич, — закончил Петя.

— Голова, Петик, — вздохнул Лева.

— Сам ты педик!

— Я к нему уменьшительно-ласкательно, а он...

— Ты бы к нему просто ласкательно.

— Так, короче, народ, достали. Давай спички. — Петя поднялся.

— Нам нельзя, — разрядил обстановку Коротких. — Мы — на задании.

— Слушай, это прямо становится уже неприлично. — Петя поискал поддержки у Левы. — Что за задание?

— Шеф сегодня полдня гнал волну о важности. Эдварда вон даже вызывал.

Брюховец постарался выглядеть выше ростом и расправил плечи.

— Следим за Плешиным и его подельником. Зеленый какой-то. Собственно, продолжаем, но предполагается, что они поедут из города. По сути, ничего особенного, но шума много. Контора как-то при деле.

— Ого! — удивился Лева. — Интересно! Значит, планируется бесплатная раздача теплых вещей от начальства. Эти просто так ничего не делают.

Коротких встал, подводя итог обсуждению. Прозвонившись неизвестному собеседнику, он вышел, оставив сотрудников в неведении, уточниться, как он сказал, потребовав никуда не уходить и быть на низком старте.

Закурив, Лева похлопал соратника Брюховца по плечу, предложив тому становиться. Раздраженный Брюховец отмахнулся.

— Так, за сигаретами больше не подходить, — пригрозил Лева и приоткрыл окно, опасаясь гнева Коротких. — Ишь как брыкается. Кенгуру прямо.

Он кольцами попускал дым в окно, потушил сигарету и полез закрывать раму. Опера разбрелись по местам. Лева от безысходности принялся читать подброшенную ему папку. Петя тихо переваривал пищу — очередные скоротечно уничтоженные бутерброды, — сплетя пальцы на животе, и прислушивался к пищеварительным процессам. Брюховец, немного посидев, вскочил, побегал по комнате и успокоился у карты России.

— Выбираешь деревню на жительство? — лениво бросил Петя, у которого наступил пароксизм довольства.

Брюховец передернулся, выбирая варианты ответа, но тут вернулся Коротких.

— Все, мы пошли. Я говорю, пошли!

— Бывайте, — оторвался от бумаг Лева. — На чем едете?

— Выделили нам порше, — невозмутимо сказал Коротких. — В Колобовском стоит.

— Аж на переулок тащиться?! — возмутился Брюховец.

— Да, надо было подать машину к подъезду, — хмыкнул Лева. — Не обеспокоились вы, Василий Сергеевич!

Качаясь под тяжестью саквояжа, потный Брюховец добрался до грязно-рыжего «жигуленка», припаркованного в 3-м Колобовском переулке. Отстал он шагов на двадцать. Коротких уже отомкнул багажник и поместил в его утробу свою объемистую сумку.

Втащив саквояж на заднее сиденье, Брюховец обронил:

— Красивый был покойник.

— Что ты там набрал?

Вытирая лоб огромным клетчатым платком, Брюховец в свою очередь задал вопрос:

— Чего это мы на «желуде»?

— Садись! Валера говорит, так незаметнее. Мотор тут — дай бог. — Коротких сел на сиденье рядом с водительским.

Брюховец пробормотал что-то себе под нос и полез на заднее сиденье, сдвигая саквояж дальше. Подняв голову, он столкнулся с выразительным лицом Коротких.

— Умеешь ты красноречиво молчать! — прошипел Брюховец после короткой паузы. — Тут самое безопасное место, — оправдался он.

Коротких ничего не сказал, и Брюховец, пожав плечами, пересел за руль.

— Ты сам это предложил, заметь!

Он плюхнулся на сиденье, включил приемник на музыкальную волну, опустил солнцезащитный козырек и боковое стекло, поправил зеркало заднего вида и перекинулся назад, укладывая поудобнее саквояж. Коротких наблюдал эти действия с брезгливым интересом натуралиста, изучающего поведение насекомых на навозной куче.

Поправив все, что было в пределах досягаемости, Брюховец запустил двигатель, прислушался к нему с видом знатока и выкатил с заднего двора управления. «Жигуль» влился в поток машин на бульваре, и они поехали по оживленным улицам.

— Ты куда едешь? — осведомился Коротких.

— А куда надо?

— Мотель «Солнечный».

— Знаю! По Каширке.

— По Варшавке.

— Доедем! — бодро предрек Брюховец.

Автомобиль он водил нервно, резко кидая его из стороны в сторону. Успевая при этом выстукивать о руль одному ему известный ритм.

— Без мигалки едем, — напомнил Коротких.

— Машину я проверяю. Неизвестно, сколько нам на ней придется проехать.

— Мы в ралли не участвуем. Придерживайся дорожного покрытия, — ухватился за ручку над боковым стеклом Коротких после очередного перестрояния.

— Спокойствие! Вы — в опытных руках.

Они проехали мимо Второго постиндустриального банка.

Брюховец весело возвзвал:

— Храните деньги в банке! А банку лучше закопать в саду, — и расхохотался.

Коротких позволил себе улыбнуться.

ГЛАВА 9 СЛЕЖКА НАЧИНАЕТСЯ

Хурналист Двуппер ухватился рукой за край крыши и, используя рычаг, вылез из своего автомобиля. Сидячая работа! Шумно выдохнув, он нагнулся в салон и достал свой потрепанный портфель, где хранил все самое ценное.

Этот боевой портфель прошел с ним все перипетии журналистской судьбы и быта, став со временем талисманом. В него вмещалось все, и Двуппер, не доверяя оригиналам материалов никому, таскал их везде с собой, с трудом расставаясь

с частью отработанного, когда требовалось новое место.

Он не возглавлял в газете отделов, не имел должностей и званий. Он был вольным художником. Обладая бойким, скорым пером и нагловатым стилем, он привлекался на обзорные статьи по ситуации и разгромные «подвалы» о деятельности любых нехороших людей. В кои могли попасть опять же любые люди. Это были разные люди, единственное, что их объединяло, — это когда они кому-либо мешали, бывало, что и городу, о благе которого не покладая рук беспокоилось руководство оного.

Газета, в которой он трудился последние восемь лет, называлась несколько устарело — «Московский пролетарий». Редактор, числившийся в демократах первой волны, правда, шутил, что данная прослойка неистребима. Сотрудники же, помнящие марксистско-ленинское учение, его регулярно поправляли, что прослойка — это как раз интеллигенция, к которой он себя относил. Времена менялись так быстро, что о смене названия поначалу даже не задумывались. А когда задумались, то решили название не менять, посчитав, что люди к нему привыкли и уже не вдумывались. Печатный орган слыл независимым, скандальным, но четко привязанным к линии, проводимой городским головой. В общем, за эту черту старались не заступать. Если и клевали, то в режиме отдельных недостатков. Но это проходило не по части Двуппера.

Он был тяжеловесом. Бил прямой наводкой, с короткой дистанции. Безоткатным орудием. Всегда пользуясь проверенным компроматом и спивом спецслужб. Его побаивались, зная его связи, и даже иногда заискивали. Двуппер, однако, держался с людьми всегда ровно, с некоторой ноткой суетливости, сочетающейся с нахрапистостью.

Сегодня он приехал в офис своего старого знакомого Сергея Карпова (в простонародье Карпа), директора частного охранного предприятия «Найдем и догоним». После окончания службы в органах Карпов специализировался на компромате и любых сведениях, которые мог достать через своих бывших сослуживцев. Контакты его были обширными. Промышлял он и, как он это называл, «промышленным шпионажем» с использованием спецтехники, иногда плавно переходящим в поиск погуливающих супругов, а то и любовников. Те тоже погуливали. Охват был широким.

Знакомство их было скреплено постоянной передачей денежных средств и различных поручений. Поэтому его ждали. Не успел Двуппер нач-

жать кнопку звонка у миниатюрной камеры, как тяжелая дверь открылась, и охранник впустил журналиста.

— Михаил Маркович, прошу вас! Сейчас доложу, что вы подошли.

Двуппер спустился по ступенькам. Помещение было полуподвальным, размещалось в жилом доме, но под всем зданием.

— Михаил Маркович! — обрадовалась секретарша. — Присаживайтесь. Сергей Александрович ждет вас. Одну минуточку только.

— Спасибо, Маша. Смотрите, я вам зажигалку принес. В Италии был.

— Ох, Михаил Маркович, спасибо. Балуете!

— Приятно сделать вам приятно. — Глаза Двуппера умаслились.

Он поправил очки, грузно оперся обеими руками о столешницу, нависая над симпатичной секретаршой, и начал недвусмысленно изучать своими лупами декольте. Удобства ради пришлось временно расстаться с портфелем, который он зажал между толстыми ногами.

— Маша, — пропыхтел Двуппер торжественно, — у меня есть идея!

Секретарша откровенно веселилась, внимание ей явно льстило.

— У меня есть для вас подарок. Я тут в Швейцарии был, — сообщил Двуппер и, не отрываясь от выреза блузки, попробовал вскрыть портфель.

— Ой, сколько подарков, Михаил Маркович.

Отдуваясь после обшаривания карманов своего багажа, Двуппер разжал ладонь с какой-то брошкой, похожей на значок. Маша, повизгивая, засмеялась.

— Хотите лично приколоть? — выказала она острый ум, отточенный на рабочем месте.

— Безусловно! В торжественной обстановке. Хотя лучше, конечно, в интимной.

— Михаил Маркович, — растягивая игриво гласные, протянула Маша. — Я сама. А то вы мне пиринг сделаете. Я боюсь!

Она оправила блузку легким броском руки.

— Эх, Маша, я бы, конечно, спросил, что вы делаете сегодня вечером, но не буду. И бояться меня не надо, пока...

— Михаил Маркович... Сергей Александрович! — обрадовалась Маша.

Двуппер обернулся.

Дверь в кабинет позади была открыта, и около нее стоял Карп. Круглое, вечно красное, шелущееся лицо растянуто в понимающей улыбке. После этого Карп вновь уделил внимание женщине лет сорока пяти, вместе с которой вышел из кабинета.

— Элла Александровна, все будет о'кей! Эта задача нам по зубам. — Упредив женщину он добавил: — Максимально оперативно. Памятуй о бюджете! Всего доброго. Я позвоню всенепременно. Целую ручки!

Карп действительно прикоснулся губами к тыльной стороне ее ладони, проводил взглядом, прищурил глаза и, выкрикав междометия, двинулся на Двуппера, раскрывая объятия.

Громко отхлопав Двуппера по спине, Карп обратил внимание на брошку, похожую на значок, которую Маша вертела в руке.

Оценив ситуацию, Карп заржал.

— Особист чертов! Всю спину избил, — огрызнулся Двуппер. — Все оружие проверяешь?

— Да что ты? Пыль выбиваю. — Карп опять заржал. — Нам два кофе, Маша, — бросил он через плечо, увлекая журналиста в кабинет. — Взбодримся!

Заведя Двуппера к себе, Карп усадил его в угол у низенького столика на гнутых ножках. Сам расположился напротив. Все окна были плотно зашторены. Только четыре галогенные лампы, свисающие на тонких кронштейнах с выступающим над рабочим столом фальшпотолка, освещали узкими направленными лучами его полированную поверхность, отбрасывая блики по комнате. Тихо работал кондиционер.

— Ты ей не значки, а духи принеси. «Крестьянка Диор». — Карп хохотнул. — От них пахнет деньгами. Работает надежнее. — Карп наклонился и хлопнул Двуппера по колену. — Смотри, может, и триппером разживешься. — Он довольно заулыбался своей остроте.

Журналист не обиделся, что говорило о старости шутки.

— А что это у тебя была за женщина? — направил он разговор.

— Да, знаешь, муж у нее пропал. Как собака в базарный день... Опять. Тенденция, понимаешь. Так и ходят, знаешь, косяками, то мужики, то бабы. Недоверие повальное. Хорошая клиентура. Постоянная. Эта, правда, немного прижимиста. Спасибо за кофе, — поблагодарил секретаршу Карп. — Ни с кем не соединять, — подчеркнул он важность визита, желая доставить удовольствие гостю.

— Хороший кофе, — отметил Двуппер.

— Коньячку?

Отказавшись, Двуппер пригубил заваренный Машей напиток и, уставившись на Карпа, промолвил:

— Знаешь, Сережа...

— Пока нет, но буду знать.

Карп устроился поудобнее, поставил локти на подлокотники и сложил ладони лодочкой перед собой, большими пальцами под подбородком. Двуппер помолчал, поправил очки, подыскивая слова.

— Есть люди. Интересуются Ежевским. Я помню, у тебя тут чисто? — оглядел он мглистый кабинет.

Карп кивнул:

— Проверяемся регулярно. Город?

— Ты уже в курсе?

— Хлеб я не зря ем. И деньги отрабатываю. Тебе его заказали?

— По моему профилю, — посчитал нужным заметить Двуппер.

— Это понятно. Правда, ты его своим портфелем можешь и насмерть прихлопнуть.

— Такая задача не ставится. Мне.

— Это тоже понятно — он ведь в команде, в коллективе, так сказать, деньги зарабатывал. Я все понял. Материалы я тебе подберу. Хотя, я думаю, что у тебя их будет достаточно и так. — В голосе Карпа прозвучал легкий вопрос.

— А у тебя на него много?

— Наберем! Ласты быстро склеит. И по прошлым делам много. Испишешься!

— Слушай, а я поначалу думал, что ему разрешили этого профсоюзного лидера вести.

— Миша, не верю. На тебя не похоже! Это же была проверка на вшивость! И ты поверил? Тяпкой не прикидывайся. — Карп развел руками. — Он, понимаешь, не просек... Да этот деятель просто мелко плавает! В администрации у него — никого. Отец ведь родной дал отмашку еще на один срок. Нужен ему свой человек в управе в Бубырево, пока. Ключевой район. Некем покрыть, пока. Так что в Думе закон слепят о продлении сроков и т. д. Короче, голова наш — незаменим... Но ведь — и по делам! Сколько для города сделано! Я считаю, правильное решение принято. — Последние фразы Карп выдал из привычной осторожности и улыбнулся, перебросив мяч Двупперу.

— А что, по прошлым делам у него там вопросы много... все плохо?

— Ты же нашу систему знаешь. Был бы человек, а дело на него найдется. Правда, последнее время он бежал в упряжке. Но ты же понимаешь: сколько волка ни корми, а у осла все равно толще.

— Спиноза.

Довольный Карп заулыбался, зардеться сильнее у него не получилось бы.

— Смотри, чуткое руководство не задень! Не нареком.

— На одном суку сидим.

— Оно восседает, — отшлифовал формулировку Карп и принялся отшелушивать ногтем нос, скосив на него глаза. — А тебя могут и повесить на нем. Тебе охрана не понадобится?

— От кого?

— Нам, как говорится, монопенисно. От кого охранять. Хотя ты прав. Но тем не менее.

— Потом, может быть, не сейчас. — Двуппер вздохнул. — Я сейчас еще в поиске.

— Чего?

— Темы.

— А разве она не определена? Заказчиком. Во первых строках, так сказать.

— Широкое поле, — обрисовал движением торса Двуппер.

— А не рано ли из орудий-то бить? Восемь месяцев ведь еще до выборов. — Карп обратился к настенному календарю.

— Наверное, считают, пора. Чего-то они там затеяли, мыслю я себе.

— Да? И чего? — подался вперед Карп.

— Не знаю. Честно!

— Жаль. Ну ничего, скоро все равно проявится.

Все тайное становится явным. Значит, информацию набирать?

В общем, столкнувшись, что данные нужны по прошлым делам подопечного. Давно минувших дней периода подъема. Понятно было, что нынешние времена, в рамках возможности, Двупперу осветят подробно. Испросив на все про все пару недель, Карп проводил дорогого гостя, который жаловался на завал с делами. По привычке темнить.

После ухода журналиста Карп сел за стол и отодвинулся в тень. Смежив руки перед собой, он соединил пальцы, перебирая ими. Как паук, ожидающий жертву в своем углу. В коридоре — кабинетам по старой конспиративной привычке все-таки не доверяли — Двуппер подтвердил, что указание идет с самого верха, и они согласовали цену. Такую, чтобы оба могли заработать. Карп закрыл глаза. Было над чем подумать. Мозаика пока не складывалась. Что-то задумали, говорит. Что-то... А что? И как на этом еще подзаработать? Выборы — доходное время... Главное, под раздачу попасть... Денег.

В дверь негромко постучали.

Сбросив груз размышлений, Карп разрешил войти.

— Сергей Александрович, вы трубку не берете, а там какая-то женщина. Нет, не по розыскам. Говорит, лично вас. Знакомая. Голос молодой...

Поговорив с Аллой по телефону и согласовав место встречи, Карп преобразился, выйдя из оце-

пнения. Интуиция подсказывала, что будет интересный разговор. Хотя и Алла сама по себе — достойный повод выбраться из берлоги.

В этот момент опять постучала Маша.

— Опять она, Сергей Александрович!

Через полчаса Алла сидела напротив него на месте для посетителей.

— Аллочка, что же случилось? Я не могу тебя накормить здесь подобающим образом. Почему ты отказалась от французской кухни?

— Не могу, Сергей. Маму пригласи. Домой надо пораньше вернуться. Надеюсь, здесь ты ко мне приставать не будешь? — Алла слегка наклонила голову и повернула ее ушком к Карпу.

— А как хочется, Аллочка. Просто мочи нету. Но я на службе, — картино вздохнул собеседник.

Алла похвально кивнула.

— Даже в отставке?

— Это навсегда, Аллочка. Жаль, что ты не по мою душу. Кого надо догнать?

— А перегнать сможете?

— Мы все можем!

— Только гнать не надо.

— Мы туфту не гоним, — в тон ей ответил Карп. — Загонять — загоняем. На флагжи, на красные...

— А кто такой Ежевский? — брякнула Алла и попробовала заглянуть в глаза Карпа сквозь его неизменный прищур.

Карп удивился:

— Ну... Это — авторитетный предприниматель.

— Это я знаю. Телевизор смотрю.

— С очень хорошей крышей.

— Повезло ему!

— Алла, а что случилось? Я надеюсь, ты не перебежала ему дорогу? — Карп почесался. — Или виды какие имеешь?

— Нет, — засмеялась Алла. — Я в бизнесе не разбираюсь. А Плешикий — это кто?

После этого вопроса Карп сунул руку в карман и начал почесывать хозяйство. Он называл это игрой в бильярд. Каким-то неизвестным науке образом у него этот процесс был связан с процессом мышления.

— Плешикий, Алла, — достаточно темная личность. Достаточно настолько, чтобы ты им не увлекалась. Известен в некоторых кругах. Почему ты связала эти две фамилии и как это связано с тобой?

— Гена мой что-то говорил о них. Похоже, это он каким-то образом с ними связан.

— Так-так... Ты знаешь, это надо обдумать... Це дило трэба обжуваты...

Поведав Алле все, что он посчитал возможным открыть, и выпытав все, что она решила не скрывать, Карп пообещал ей навести справки и проследить за Геной Зеленым. Наговорил также теплых слов для ее мамы, с которой когда-то вместе учился в школе и с которой они периодически проживали совместно.

Алла оказалась подготовленной. С фотокарточки, оставленной ею, на Карпа смотрел Зеленый, снятый на лоне природы.

— Косая челка, — пробормотал Карп. — Патологический лгун. Маша, девочек ко мне, — потребовал он в трубку. — Наших. Новеньких.

Через несколько минут он внимательно рассматривал, заставляя их нервничать, двух длинноногих блондинок с длинными распущенными волосами.

— Ага, Лена, Люда, — полистав бумаги, провел воспоминания Карп.

Обе блондинки переминались и кривили губы, несмотря в его сторону.

— Задание вам, потаскухи! Вот человек, вот адрес. Поехали и проследили. Прямо сейчас. Когда появится по адресу — доложитесь. — Карп тяжелым взглядом посмотрел на них. — В глаза мне, в глаза!

— В квартиру можно?

— Нет. Нельзя. Занято там. В машине посидите. Куда он — туда и вы. Смотрите, клиентов не перепутайте, а то я вас живо назад на Украину отправлю. Могу даже малой скоростью.

— Да не с Украины мы. Из Белгорода мы!

— Сами не местные, да? Выполнять! Клофелинщицы. Но учтите, информация ОБС мне не нужна.

— Какая информация? — спросила Лена, державшаяся, видимо, за старшую. Она выглядела взрослеей и была немного выше ростом.

— Одна баба сказала... Так что вдвоем работайте. — Карп ослабился, довольный экспромтом.

Отправив блондинок в поиск, Карп собрался, решив для начала съездить на Педровку. Следовало раздать кое-какие вознаграждения, перетереть кое с кем. Поработать с источниками. Необходимо, то есть требовалось, внести ясность в то, что там происходило. Внутри внутренних органов.

Словно сторожевая собака, короткая цепь которой не позволяла удаляться от охраняемого объекта, он сиделся, вскакивал и снова прохаживался вокруг застеленной плотным оранжевым покрывалом полуторной кровати, на которой лежал «дипломат».

Наборной замок с тремя позолоченными оцифрованными колесиками при знании кода отпирался удивительно легко. Что очень просто проверялось. Зеленый вытер ладони о линялые джинсы и еще раз проверил это, открыв дипломат. И солнце опять взошло. Внутри брусками помещались различные блага, заключенные покуда в денежных билетах, перетянутых бумажными лентами банковской упаковки. Пачек было много. Точнее, портфель был полон.

Почахнув немного, как Кощей над златом, Зеленый защелкнул никелированные замки. Провел пальцем по бородкам шифра, сбивая код. Задвинул чемодан под кровать и собрался было выйти. Поколебался мгновение и вернулся. Достал портфель, отворил створки шкафа в прихожей и с сомнением посмотрел на небольшой серый встроенный сейф в нижнем углу. Попытка набить его чрево деньгами потерпела неудачу. Пришлось вновь аккуратно сложить их в дипломат.

Предложение дирекции хранить деньги и ценности на рецепции, наклеенное на сейфе, он отмел как несостоятельное. Делать было нечего, точнее, таков был осознанный выбор. С предельно занятым видом Зеленый подхватил чемодан, вышел в коридор мотеля, постучал в соседний номер и быстро заскочил внутрь. На кровати, скрытый развернутым журналом, положив ноги на спинку, валялся Плешикий.

— Уже убирали, — сообщил Плешикий и отложил журнал.

— Читаешь? — не отреагировал на шутку Зеленый.

— Время убиваю. Что это ты бродишь, как коммивояжер? Прищепками для ванной торгуешь?

— Оставить-то негде!

— Он закрывается, — посоветовал Плешикий и улыбнулся. — Повесь табличку «Не беспокоить»!

Его тон всегда заставлял сомневаться, серьезно он говорит или насмехается.

— Ничего, мне не тяжело.

— Как знаешь... Тяжесть, конечно, приятная. Понимаю. Жаль, что пришлось с инкассаторским чемоданом расстаться, то-то ты мог бы натаскаться... Что с бумагой делать будешь? — задал вопрос Плешикий и опять принялся за журнал. — Миллионер.

ГЛАВА 10 ТРУП КИТАЙЦА

3 еленый сидел на кровати в своем номере. Опять сидел. Искушение было велико. Центростремительная сила магнита, заключенного в небольшом черном атташе-кейсе из искусственной кожи, была необорима.

— В оборот пустить надо, — неуверенно ответил Зеленый, посмотрел на подельника и облизал губы. — Порошка бы прикупить... Есть место. А ты?

— Купить — дело нехитрое. А сбыт у тебя есть?

— В принципе, я знаю, кому раздать. Есть и выход в Европу интересный.

— Прямо-таки интересный, говоришь? Да, это бизнес хороший! Я бы тоже прикупил. Нужны новые каналы поставки. В Сочи?

Плешикий оценивающе посмотрел на подельника.

— Ну. Так ты тоже туда? У меня там есть пара адресов. Надежные люди...

— Откуда люди?

— Дружок оставил.

— Перед смертью завещал? — Плешикий улыбнулся одними глазами, бросил журнал на пол и потянулся.

— Перед отсидкой. Нам бы только отлежаться немного, пока затихнет все.

— Наоборот, завтра надо выдвигаться. Эти пинкertonы как раз и будут нас тут искать. — Плешикий вытянул подбородок вверх и почесал шею.

— Где — тут? — Зеленый повертел головой, перебросил чемодан в другую руку и потер нос.

— В Москве. Поставь ты его, — посоветовал Плешикий и отследил послушное движение Зеленого. — Искать нас в Москве будут.

— На машине поедем? — быстро согласился покладистый Зеленый.

— Само собой! Пешком далеко, а общественный транспорт для нас заказан. — Плешикий ухмыльнулся двусмысленности. — Твоя еще в ремонте?

— Да. Надо новую купить будет. А ты почем «мерина» брал?

— По каталожной цене.

Зеленый помялся. Он испытывал трудности в общении с коллегой.

— Тогда мне надо отскочить ненадолго, — невпопад сказал он.

Плешикий поймал его взгляд.

— Инкассаторам надо долю оставить, — пояснил Зеленый.

— Они, поди, заняты сейчас? Недосуг им, видимо, — резонно предположил Плешикий.

— В камеру хранения положу. Потом шифр сообщу.

— В камеру?

В который раз Зеленый не нашелся с ответом.

— Ты мобильник отключил? — вспомнил Плешикий.

— Вчера еще.

— Хорошо! Отследить по нему можно, где мы. На месте новые возьмем... Ты, я смотрю, честный хлопец. — Плешикий приподнялся на кровати, опираясь на локоть.

— В каком смысле?

— Делишься... А говорили, что способность делиться осталась только у простейших. Я про инкассаторов твоих, — посчитал нужным пояснить Плешикий, глядя на озадаченную физиономию Зеленого. — Или ты не знаешь, кто такие простейшие? — задал он вопрос, посчитав, что сомнения не разрешились.

За дверью послышался отчетливый шорох. Плешикий отложил биологическое образование подельника до лучших времен и достал из-под подушки пистолет с глушителем. Почесав им висок и немного подумав, он тщательно прицелился и, как перфоратором, пробил нижнюю филенку двери.

Снаружи кто-то болезненно застонал. Раздались странные скрежещущие звуки, и что-то с шумом свалилось на пол.

— А у тебя в Сочи есть кто? — шепотом спросил Зеленый, смотря на курящийся тонкой сизой струйкой дыма набалдашник ствола.

— Есть кое-какие связи. — Плешикий спрятал оружие обратно под подушку и развеял дым рукой. — Я там работал раньше. Хорошую капусту рубили.

— Пойду горло промочу, — небрежно сообщил Зеленый и подхватил дипломат.

— Давай! До утра тут перекануемся. Я думаю, здесь мы в безопасности.

Покачав головой, Зеленый попытался утвердиться в таком же мнении. Он с трудом отворил дверь, отодвигая привалившееся к ней тело.

— Лежит еще, — пробормотал Плешикий, сев на кровати. — Оттащи его к соседнему номеру! Ходит тут все, — почему-то в настоящем времени посетовал он о мертвеце.

Зеленый согласно кивнул, расстался на время с чемоданом и вышел. В коридоре ничком, выбросив вперед руки, в позе пластина, подтянув одно колено к животу, валялся невысокий худощавый черноволосый мужчина. Падая, он оцарапал ногтями стену, оставил на ней кривые полосы, и теперь его круглая голова была припорощена побелкой. Зеленый переступил через труп, подхватил его под мышки и потащил в сторону. Незнакомец оказался скользким азиатом, похожим на китайца, в огромных темных очках, которые чудом держались на кончике крылатого плоского носа.

Из номера напротив, к которому он подтащил труп, внезапно появились двое респектабельных мужчин в костюмах и галстуках. Зеленый уронил

китайца на пол и напряженно посмотрел на них. Но те невозмутимо переступили через подкидаша и удалились.

— Спокойно! Это голубые. Им суета ни к чему. Чемодан не забудь! — заметил Плещивый, наблюдая за развитием ситуации в проем двери. — Здесь деньги, как ты знаешь, выше документов. Номера сдают и по часам. Вот народ и ездит. Мы тут с тобой вписываемся в основной контингент.

Забрав чемодан, Зеленый закрыл за собой дверь. Не оборачиваясь, он пошел в сторону, противоположную от скрывшейся за поворотом парочки.

«Трут» же оказался живучим. Китаец поднялся и последовал за ним.

Как только ошалелый Зеленый вышел, Плещивый вскочил с кровати, подошел к двери, прислушался и осмотрел проделанную им работу по вентиляции номера. Дырка была небольшой, и он заткнул ее обрывком бумаги.

Вскоре Зеленый стоял в будке таксофона у входа в мотель. Одно боковое стекло было раз-

бито, и он повернулся лицом к легкому ветерку, врывающемуся в кабину. Чемодан он поместил на небольшом металлическом столике. Когда он уже начал нервно постукивать по корпусу телефонного аппарата, гудки наконец прекратились.

— Ты чего не отвечаешь? — спросил Зеленый.

— Спокойно, я тут, — донесся Валерин голос, искаженный мембранный.

— Чего — «спокойно», чего — «спокойно»?

— Давай по делу! — отрезал Валера.

— В Сочи завтра едем. На машине. На — его.

— Хорошо. Я направил к тебе двоих, Толстого с Кретином. Будут рядом.

— Вам там виднее.

— Ладно, не суетись! Все идет по плану. Больше пока не звони. Только по делу. Опасно.

— В каком смысле? — насторожился Зеленый.

— Засекут. Контора на хвосте.

— А-а... Лишь бы не крыша этого банка.

— Мы у него — крыша. Все! Работай!

Раздались короткие гудки.

— Можно подумать, я не по делу звоню, скотина! — зло выругался Зеленый и повесил трубку.

Но тут же снова снял ее с рычага и набрал номер Аллинго мобильного.

— Аллочка, привет!

— А, эт ты?

— Привет, говорю!

— Да слышу, слышу! Ну, привет. Звонишь, что задерживаешься? — с иронией полюбопытствовала Алла.

— Нет... В смысле, в командировку я. Еду.

— Ах вот оно как? Ты откуда звонишь?

— С базы, а что?

— Да так, ничего. Ну-ну, и далеко?

— В Краснодар. На завод. Постараюсь вернуться быстро.

— Думаешь, без тебя там не разберутся? Или выпьют все? Ты не забыл, что уже шесть часов, что сегодня пятница, а завтра суббота, а послезавтра воскресенье?.. И, по-моему, вчера ты никуда не собирался.

— Да, все поменялось. Заранее сложно было определиться. Это, понимаешь, не совсем обычная отгрузка, поэтому выходные не помеха, — зачастил Зеленый. — Наоборот даже. Присутствие мое нужно. Бумаги надо оформлять. Приеду, все объясню. Не по телефону.

Алла промолчала.

— Алла?

— Чего?

— Что молчишь?

— А что мне тебе сказать? Дома ты не ночуешь уже. Где ты болтаешься, непонятно. И с кем. Я уж не говорю о том, что делаешь.

— Я же объяснил. Ты понимаешь, я не могу упустить такой куш. Для нас же стараюсь. Вот приеду, клянусь, поедем на море!

— Ну, не знаю, меня и так тут приглашают. Короче, у меня дела. Бывай! Будешь в Москве — заходи. Мой руки перед едой и не ешь немытые фрукты. Извини, меня шеф. — Разговор прервался.

Зеленый хрюстнул трубкой по беззащитному аппарату. Следующим действием был плевок в проем от отсутствующего стекла на асфальтовую дорожку. Затем он посмотрел на часы и собрался было выйти из кабины, но, подумав, снова позвонил Алле. Теперь на работу. Усваивая информацию о том, что Алла отпросилась еще с обеда, он, мысленно убивая себя всеми известными ему способами, отчетливо вспомнил, что диск с идиотскими установочными данными на его теперешнего подельника остался в стереосистеме.

Вопросы задает, вопросы... Может, она из нашей системы? Ясно — из нашей, из чьей же еще, у Кузьмича работает! Или числится... Или из конто-

ры. Неужели подстава? Эти могут... Да уж, прямо озарение. Кому он нужен? Хотя кто его знает, может, и не он. Чемодан тяжелый, да и фигуры в деле тоже тяжелые. Серьезные фигуры. Черт, попал, кажется... Сожрут, как пешку. Ладно, спокойнее! Интересно, работает она на кого-нибудь? Как-то легко она с ним сошлась. Красивая...

Лично себя Зеленый красавцем не считал. Относил на свой счет только суровую мужскую привлекательность. Познакомились они в кино. Вроде все случайно. Она — с подругой, он — с другом.

Но вопросы...

Он подхватил казну под мышку и пошел к шоссе, продолжая терзаться смутными догадками о возможных причинах настойчивых вопросов Аллы о его работе.

Проводив его взглядом, Плещивый вошел в будку таксофона, держа в поле зрения выход из мотеля. Его чемодан был при нем.

— Юрий Владимирович? Сочи... Завтра. Поедет со мной. Утром.

— Продолжай! Там тебе все понятно. Главное — его связи, — выдал установку Иванов-Неизвестный.

— Есть!

Плещивый усмехнулся, покачав заключенными в чемодане деньгами на весу.

А Иванов-Неизвестный, положив трубку после разговора со своим агентом, поднялся из-за стола и неспешно двинулся по огромному кабинету, расположенному в мансарде трехэтажного особняка, называемого избушкой, в кривых переулках неподалеку от Лубянской площади. Интерьер со стенами, облицованными темными дубовыми панелями по аппаратной моде ушедшей эпохи, был выдержан в подчеркнуто строгом стиле. Портрет Феликса Эдмундовича в полупрофиль. Огромный письменный стол с несколько выцветшим синим сукном. Настольная лампа с зеленым абажуром. Кафедра в углу. Тяжелые бордовые, ниспадающие волнами шторы. Массивные шкафы позади стола с вделанной в них дверью скрывали комнату отдыха. А может, пыточную.

Все эти предметы бросились бы в глаза тому, кто попал в кабинет. Черные же кожаные диваны, о которых ходили легенды, хотелось поместить при входе в рабочее помещение начальника отдела секретных операций. Там, впрочем, видимо, они и стояли.

Пять невыразительных, своими лицами — ничего не выражавшими — личностей напряглись. Упредив их пополнование, Иванов-Неизвестный повел головой. Подчиненные остались сидеть вдоль глухой стены. А Иванов-Неизвестный, за-

ложив руки за спину, совершил еще несколько проходов взад-вперед неспешным, раздумчивым шагом и остановился в центре зала.

Напряженное ожидание сгустилось к явному моменту принятия архиважного решения. Хотя это могло предвещать все что угодно. Но Иванов-Неизвестный медленно повернулся к внимающим подчиненным и слегка вновь повел головой, выказав удовлетворение. После выявления столь высокой оценки он отвернулся и лично опустил на всех окнах дополнительные, напоминающие светомаскировку шторы, что послужило сигналом к передислокации.

Подчиненные, за исключением одного, переместились на стулья вдоль задрапированных окон. Последний расчехлил огромную, подсвеченную спрятанными в выступающий карниз люминесцентными лампами карту страны. Города на ней обозначались огоньками разных колоров и размеров.

Позволив начинать, Иванов-Неизвестный медленно раскурил папиросу и пустился в путь по проложенной по ковровой дорожке тропе. Чтобы не потеряться.

Докладчик, брошенный соратниками в прорыв, манипулируя длинной деревянной указкой, выкалал знакомство с географией. Он четко доложил домашнее задание и безошибочно нашел города Москву и Сочи. Перечислив по условным кличкам задействованных агентов в обоих городах, он перешел на возможные маршруты следования с севера на юг. Исходя из данных о передвижении автомобильным транспортом. Но Иванов-Неизвестный, не прерывая ходьбы, отпустил его.

Он решил пока не вмешиваться, что и изрек в сторону входных дверей, подняв указательный палец правой руки: папиросу пришлось переложить в левую руку, но момент того требовал. Не зря он ждал, продолжал Иванов-Неизвестный для письменного стола. Не зря и Плешивый работал последние три года, и неважно, что там говорили. Цель оправдывает средства. Теперь Дикобраз в руках!

Далее наступила пауза, нарушаемая только мерным скрипом паркета.

У Дикобраза большие интересы в Сочи. Всю землю скупил. Строит. Вот его и закопают там. Неважно, на кого этот Зеленый выведет. Теперь главное — проследить...

Когорта подчиненных встала, пряча блокноты. Они сплотились, внимая хорошо понятным мысленным речениям начальника.

Докладывать об успехе... Доводить информацию наверх будет наша служба. Выборы будем

обеспечивать мы. А там... и до восстановления памятника Феликсу Эдмундовичу недалеко. И Иванов-Неизвестный погрозил пальцем невидимым врагам ведомства и, наконец, опустил его. Будет стоять! Не на Лубянке, так перед нашим отделом...

Он проникновенно посмотрел в грустные глаза первого председателя, чистые руки которого не поместились на портрете.

Но не только в отделе секретных операций праздновали скорую победу.

Перед начальником всегородского управления по борьбе с организованной преступностью города Мужиковым навытяжку стояли Валера, Кириллыч и помощник, прижавший неизменную папку к груди. Мужиков работал на малочисленную, правда, но публику. Он фиксировал растопыренной пятерней предметы в пространстве.

— Дикобраз будет сидеть здесь. — Он указал на забинтованную ногу перед собой. — Я буду сидеть здесь. — Мужиков хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. — Сюда мы пригласим борзописцев. Ведь это я придумал операцию, — с нажимом сказал Мужиков. — Я догадался, что Плешивый — человек Дикобраза!

— Сначала бы доложить надо, — подал голос Валера.

— Доложим! — успокоил его Мужиков. — Потом-то его все равно нам отдадут. Мы тут на него всех собак повесим.

Мужиков нагнулся голову набок и оценочно осмотрел стул перед собой, словно прикидывая, сколько собак может поместиться на спинке.

— Да, поскорее бы, — не смог остаться в стороне Кириллыч. — Гениальная операция, Семен Януариевич!

— Давай там, Валера, сориентируй личный состав на возможную командировку. Будем разворачиваться! После такой операции хоть на пенсию. — И, не позволив подчиненным проявить верноподданнические чувства, Мужиков погасил волнение: — Не собираюсь!

Подчиненные заметно успокоились.

— Только на повышение, Семен Януариевич, — вкрадчиво предположил сокровенное помощник.

ГЛАВА 11 ПОБОИЩЕ В МОТЕЛЕ

Мотель «Солнечный» оказался семиэтажным довольно обшарпанным зданием неопределенной советской постройки. Какое-то сходство имелось с научно-исследовательским институтом. Много бетона в виде блоков с голубоватой мозаикой с фасадной стороны,

много окон. Прямоугольные линии не позволяли глазу за что-нибудь зацепиться, кроме кустов антенн на плоской крыше. Входной алюминиевый предбанник был пристроен явно позднее. Конструкция смотрелась отвратительно и принесла бы несомненную пользу, только будучи сданной в металлолом на переработку.

Потребовав от напарника сидеть, пока он сам узнает, что и как, Коротких, осаждая суetu Брюховца мановением широкой ладони, выбрался из машины. Доносился равномерный гул недалекого шоссе, периодически прорезаемый натужным ревом грузовиков.

Дверь алюминиевой коробки жестко хлопнула. Коротких скрылся. Брюховец радостно засветился, быстро выскочил, открыл багажник, расстегнул сумку напарника и переложил в нее гантель из своего саквояжа, упрятав ее поглубже под одежду. Счастливо улыбаясь, Брюховец просвистел марш физкультурников, прохаживаясь вокруг «желудя» и пытаясь разглядеть Коротких в холле гостиницы через окно.

Тот подошел к стойке поселения, отделанной черной пластмассой для придания великосветского шарма убогому интерьеру, слева от широкой лестницы, ведущей на второй этаж. Портъе, похожий на перевоспитанного обстоятельствами бандита, ни слова не говоря, подал ему ключ. Правляя воротник рубашки, стянутый галстуком, он повел бычьей шеей и бровями маякнул в сторону закутка у входа. После этого, посчитав свою роль исполненной, портье отрешенно уставился на массивную люстру с ветвистыми кandelябрами.

В кресле за деревянной, полубочонком, кадкой с разлапистой пальмой сидел худощавый китаец в солнцезащитных очках с чужого плеча, за которыми не было видно пол-лица. Он был похож на восточного божка. Судя по направлению очков, китаец бессмысленно смотрел перед собой, но, судя по напряженной позе, не медитировал.

Возвращаясь за оставленным без присмотра Брюховцом, Коротких слегка раздвинул ветки пальмы, недовольно взглянул на восточного человека и стиснул зубы, поиграв желваками.

Подойдя к машине, вокруг которой топтался спортивный Брюховец, он на ходу коротко приказал выгружаться.

Энергичный Брюховец засуетился, доставая свой саквояж. По извлечении он отошел в сторону, предвкушая удовольствие, и досадливо сморщился, когда Коротких легко взял вес сумки и понес ее в мотель.

— Две надо было положить, — погоревал Брюховец, кусая палец. — Коня боевого припарковать? — спросил он вдогонку.

Не оборачиваясь, Коротких отмахнулся. В вестибюле он скосил глаза на китайца в широколистенной тени и сказал:

— Тайный резидент китайской разведки. Работает на всю Восточную, Юго-Восточную и Среднюю Азию.

— Тайный? — искренне изумился Брюховец. — Ты же его знаешь! Так это он, что ли, некий Киргизов, по национальности узбек? — рассмеялся он. — Слушай, а он нам не помешает? Чего он тут делает? — забеспокоился думающий опер. — Может, его Пете для проверки личности сдать на время? А то мы его быстро...

Напарники поднялись на лифте на пятый этаж. Выйдя из кабинки, они наткнулись на бородатого незнакомца шпионской наружности, того самого, который недавно стольспешно покинул корабельный ночной клуб. Бородатый произвел несколько телодвижений корпусом в попытке разминуться.

— Так, стоять. Стоять! А ты что тут делаешь? — с угрозой в голосе осведомился Коротких, прервав его эволюции.

— Имею спецзадание! — доложил бородатый, дурацки выпучив глаза.

Коротких схватил его за бороду.

— Надо сделать так, олух, чтобы ты больше мне под ноги не попадался, — наставительно сказал он.

Закрепляя совет, Коротких дернул незнакомца за бороду. Борода отклеилась. Коротких невозмутимо затолкал ее незнакомцу в нагрудный карман пиджака, отдовинул его и пошел по коридору. Плюгавый Брюховец, проходя мимо запущенного экс-бородача, толкнул его локтем в грудь, якобы освобождая себе дорогу.

В номер первым ввалился нетерпеливый Брюховец. Сбросил поклажу под стенку в маленькой прихожей и пометался, придиричиво осматривая двухместный номер из одной комнаты. Заглянув в ванную, он недовольно проворчал:

— Люкс надо было брать!

Коротких пришлось задержаться в дверях, воюя с ключом, который проворачивался, отказываясь вниматься из замка.

— Захрапишь ты меня, — продолжил нудить Брюховец. — Комнаты нужно две.

Применив к ключу физическую силу, Коротких вырвал его из замка, осторожно засунул с внутренней стороны и прошел в комнату, где сбросил сумку на выбранную кровать рядом с окном. Металлическая сетка жалобно заскрипела.

— Слыши, Василий, а это что за сморчок? Мы его...

— Пинчер. Ищёйка из Интерпола... Носом землю роет.

— Чего ему тут надо? — задал вопрос Брюховец, не отвлекаясь от переключения кнопок на маленьком телевизоре.

— Туннель будет рыть до Китая. Доложить надо, — остановил Коротких диалог и подошел к окну.

Потирая ухо, он принялся осматривать противоположные окна мотеля, который был построен буквой «п», внутренним двором к подъездной дороге. Брюховец же наконец перестал насиливать телевизор, поняв на третьем прогоне, что больше десяти каналов из него не выжать. Охладев к телевещанию, он углубился в свой саквояж, приступив к выемке предметов одежды и гигиены, перемежаемых прессой, будильником и устройством для умерщвления комаров с лентами ядовитых пластинок к нему.

Коротких посмотрел на его возню и нейтрально осведомился:

— А если они уедут сейчас? Сколько будешь собираться?

Брюховец, прервав на мгновение работу фокусника по материализации предметов, скрчил рожу и успокоил:

— Ты, толстяк, не бойся...

Коротких уставился на него, хотел открыть рот, но Брюховец перебил:

— Ты не смотри, что я маленький...

— Плюгавый, — резонно произвел уточнение Коротких.

— Низкорослый, — поправил Брюховец. — Зато я мускулистый. — Он привалился к спинке кровати и мечтательно протянул: — Помню, были мы с Левой на задании...

Коротких покачал поощрительно головой:

— У бомжей деньги трусили.

— Подходит ко мне два бича, — с апломбом невозмутимо продолжил Брюховец. — Один такой, как я. — Он неопределенно покачал рукой в воздухе и затем согнул ее в локте, обозначая бицепс. — Другой чуть поменьше...

— Ну, ты одному дал...

— Ага! Красивый был покойник. Что, Лева рассказывал? Откуда...

— Поднимаешься, а он стоит, — закончил фразу Коротких. — Сам-то веришь или как?

— Да иди ты! Не так все было. Я с Левой. — Брюховец опять согнул руку в локте.

В этот момент Коротких отшатнулся от окна, испуганно охнув:

— Утюг!

— Чего-о? — осекся Брюховец и подскочил на кровати. — Какой еще утюг? Взять забыл?.. Или выключить? — Он подошел к окну.

— Вот и потренируешься. — Коротких осторожно показал пальцем вниз. — На нем.

Внизу, по внутреннему двору мотеля, двигался высокий супермен. В левой руке он сжимал черный кейс, пристегнутый цепью к запястью. Он скользнул взглядом по окнам и задержался перед металлическим чистилищем тамбура.

Напарники инстинктивно спрятались за раму, опасаясь Утюга даже в своем номере.

— Ему пристрелить — что плюнуть, — заверил Коротких. — Секретный отдел.

Утюг, словно подтверждая его слова, сплюнул, озираясь по сторонам.

— Красивый был покойник, — машинально проромтотал Брюховец.

— Не нравится мне это, — задумчиво произнес Коротких. — Китаец, Пинчер и теперь Утюг. Все это вдобавок к Плешивому с Зеленым.

— И нам, — добавил Брюховец. — Может...

— Разберемся. Надо доложить будет. Нам сказано: следить, — принял решение Коротких. — Никаких «может». Шеф говорил, что он с самим Дикобразом связан.

— Утюг? — удивился Брюховец.

— Сам ты утюг. Плешивый!

— А Зеленый с кем связан?

— Зеленый теперь в большой игре, — туманно ответил Коротких. — Я ему не завидую.

Брюховец внимательно отследил, как Коротких достал из сумки полевой бинокль и принялся осматривать здание. Гантель он не обнаружил.

— Что, женщины? — запоздало оживился Брюховец.

— Баран! — мягко урезонил Коротких, не отрываясь от окуляров. — Номер Плешивого на против.

— А почему я ничего не знаю?! — завелся Брюховец.

— На, следи за Плешивым. — Коротких передал бинокль Брюховцу. — Третье окно слева. Этаж — наш. Мы — на пятом.

Брюховец, приступив к выполнению задания, умудрялся одним глазом косить на напарника, который принялся копаться в своей сумке.

— Женщина... Наложит барахла вечно, ничего не разберешь! Ну, что там? — оторвался Коротких от инвентаризации.

— Он вышел.

— Что?! Что же ты молчишь? Пошли быстро! — взволнованно приказал Коротких.

Брюховец вернул ему бинокль, но Коротких, бросив его в свою сумку, схватил ее и выскочил из номера. Брюховец охапкой ссыпал свой скарб в саквояж и безуспешно попытался закрыть дверь на ключ. Оторвавшись отоценравного замка и сунув ключ с увесистым набалдашником в карман, он поспешно последовал за Коротких.

Тот яростными жестами изложил диспозицию, отправив напарника по коридору к номеру подопечного Плещивого и на лестницу, сам же, собираясь спуститься вниз побежал к лифту, размахивая сумкой.

Не обнаружив Плещивого на этаже, Брюховец ринулся к лестнице, отметив, что оба лифта заняты. Саквояж он нес через плечо.

Внешне спокойно Коротких покинул лифт, встал за колонной на открытой галерее второго этажа, прямо над холлом, и осторожно посмотрел вниз.

Неумолимым, твердым шагом Утюг надвигался на стойку портье. Китайца, видно, сдуло ветром. Ветви пальмового дерева, в тени которого он еще недавно пребывал, слегка колыхались. По лестнице на галерею поднимался какой-то краснорожий мужчина средних лет в джинсах, летней серой панаме с короткими полями и плеером под мышкой. Это был Карп.

Истомленный воротником портье крутнулся на стойку, мельком взглянул на Коротких, потом на Утюга и уставился на люстру, видимо, успокаиваясь ее созерцанием, и забарабанил пальцами по конторке. С места он не двинулся, выражая собой фатализм в последней степени проявления.

Внезапно, нарушая тишину, из-за поворота по лестнице с дробным топотом на галерее вылетел взмыленный Брюховец. Впечатался с разбега в Карпа и сшиб его с ног. У того из-под мышки выпал плеер и плашмя, со звуком, напоминающим выстрел, упал на ступеньку.

Утюг скоровисто повалился на пол. Перекатываясь за массивное кресло, бренча кейсом и цепью, он выпустил из какого-то оружия очередь по галерее. Посыпались крошки бетона. По ходу перемещения он снес кадку с пальмой. Из-за которой, как ошпаренный, выскочил китайский резидент-многостаночник и, часто поскользываясь на паркете, пулей проскочил в боковую дверь, ведущую в бар.

Коротких в ответ пальнул вниз, особенно не целясь. Он был явно напуган. Но еще больше был напуган Брюховец, который пришибленно хлопал глазами в окружении пулевых отметин на стене. Бледный, как смерть, он съехал по стене и отполз к Коротких. Там он залег, как мудрая

собака, позади хозяина, в ногах. Втянув голову в плечи, он сделал попытку прикрыть ее саквояжем.

Карп подскочил, быстро выхватил пистолет, пометался, беспорядочно стреляя, по галерее и юркнул за угол, откуда на него недавно вылетел Брюховец.

Место оказалось богатым на выдающиеся личности. Так как оттуда, сразу же после исчезновения Карпа, раздался душераздирающий вопль, и на смену Карпу, как чертик из табакерки, выскочил Пинчер с базукой в руках. Он похлопал глязами и выстрелом разнес вдребезги люстру, на которую молился портье. Посчитав после этого свой выход оконченным удачно, Пинчер исчез. Возможно, для пополнения зарядов.

Прикрываясь креслом, Утюг беспрерывно стрелял, откладываясь на все угрозы. Видно было, как из его рукава тянется патронная лента. После взрыва же и падения осколков люстры последовало короткое затишье.

— Там, кажется, стреляют, дорогой, — донесся отважный женский голос со стороны бара.

— Я сам буду стрелять, — косноязычно ответил невидимый мужчина, и слова у него не разошлись с делом. Раздалось несколько выстрелов. — Пусти меня, говорю, я — в полном порядке!

Самым опытным оказался портье. По всей видимости, он бывал в подобных переделках или воспитание на улице сказалось на его поведении. Однако, вполне вероятно, на него повлияла врожденная осторожность, где-то даже скромность, граничащая со скрытностью. Одеяло в этой истории он на себя не тянул, дав всем отработать свой номер до конца.

После первого же выстрела Утюга он спрятался за стойку и тихо сидел там, так что его не было видно. Только после уничтожения люстры он высунул поверх барьера руку с пистолетом, на ствол которого был предусмотрительно навернут набалдашник глушителя, и продырявил в трех местах кресло, скрывающее Утюга. Не сдержался, похоже. Возможно, он лишился многолетнего объекта поклонения, которому годами поверял свои сокровенные мысли, или расстроился утратой ценного предмета обстановки, являясь ответственным за инвентарь. Непонятно было только, почему объектом своей ненависти он выбрал Утюга. Хотя, возможно, он тонко разобрался в хитросплетении спорадического конфликта и отложил казнь Пинчера на потом.

Три его выстрела, похожих на хлопки, оказались финальным аккордом, и после них все окончательно стихло. На бис не вызывали.

Утюг приподнялся, оглядел холл и галерею. Не увидев ни одной живой души, он спрятал пистолет и, кроша подошвами осколки стекла, подошел к стойке поселения. Там его радушно встречал портье. Он словно не замечал разгрома во вверенном его попечению помещении и приветливо улыбался гостю:

— Добро пожаловать! Вам люкс? — оценил он постояльца.

Насмерть перепуганные Брюховец и Коротких с поклажей и пистолетами в руках запыхались от долгого подъема по лестнице, но, не снижая темпа, пронеслись мимо невозмутимой горничной по коридору пятого этажа. Если бы у них не было оружия в руках, можно было бы подумать, что двое командированных опаздывают на поезд.

— У тебя что, две головы, кретин? — Массивный Коротких тяжело дышал и выглядел хуже. Бег, тем более с отягощениями, в череде его привязанностей был явно не на первом месте. — Ты зачем...

Неожиданно впереди открылась дверь и из своего номера показался Плешивый. Бегуны проворно повернули на сто восемьдесят градусов и прогулочной походкой пошли назад, мимо по-прежнему невозмутимой горничной.

— Персонал тут вышколен, — отдуваясь, выдал Коротких.

— В каком смысле? — заинтересовался Брюховец.

— Ты — идиот! — снова завелся Коротких. — Какого ты носишься, как угорелый? Ты нас чуть не подставил, скотина! Господи, за что мне тебя выдали, а? В нагрузку... — сам себе ответил он.

— А кого тебе надо было? — принял на себя ответственность за высшие сферы, вопросил Брюховец.

Коротких смерил его уничтожающим взглядом.

— Закрой рот — кишкы простудишь! — остановил он попытку напарника оправдаться.

Они занесли багаж в номер и спустились по лестнице в холл, поспев как раз вовремя. Вместе с немногочисленной группой любопытствующих перед входом в мотель, включающей портье, присутствующего по долгу службы, они отсмотрели последний акт драмы, по своей характерности не уступающий знаменитой картине «Бурлаки на Волге». С легкими видоизменениями, но тем же напряжением.

Осуществлялась погрузка в полицейский уазик пьяного стрелка из бара. Операция проводилась достаточно шумно, чему способствовала его беспстрашная подруга, которая вертелась вокруг. Ее друг ревел белугой что-то нечленораздельное,

сопряженное с отчетливой матершиной. Четверо серых полицейских в роли бурлаков сосредоточенно пихали и тянули его, пока пьяный, не желая им помогать, раскорячиваясь, упирался что было сил и во что только мог.

Невдалеке, с невиданной гибкостью принимая различные гимнастические позы для создания выигрышного ракурса, суетился Двуппер, щелкая фотоаппаратом. Он раздражал пьяного не меньше работников полиции, что было видно по выброшену ног в сторону фиксатора событий.

— Я буду стрелять! — наконец отчетливо проревел пьяный. — Менты поганые... — И вновь сбился на нецензурную брань.

Сплоченные усилия все-таки дали результат, буяна затолкали в призывно открытое чрево патрульного уазика. За ним захлопнулась дверь с маленьким окошком, забранным решеткой, откуда он начал выглядывать, заметно присмирев.

— Вы поедете с нами? — Полицейские сгрудились перед подругой пьяного стрелка.

— Нет, я останусь! — с прежней решительностью сказала женщина. — Вот сколько вас нужно, чтобы справиться с абсолютно невиновным человеком! — Она обвела полицейских испепеляющим взглядом.

Не вступая с ней в перепалку, стражи порядка принялись собирать фуражки. Боевая подруга декабриста сообщила, что будет жаловаться в собственную безопасность, выказав знакомство с устройством системы правоохранительных органов.

Но служивые оправили форму, погрузились в машину и отбыли, оглашая сиреной пустынную улицу. Видимо, без сигнала они ездить не умели. Или боялись попасть в аварию. Или отмечали таким образом удачно выполненную операцию.

Двуппер, всем видом поддержав растерянную женщину морально, скрылся в мотеле, пройдя в бар. Остальные тоже втянулись в холл.

— Представляете, господа, — произнес портье, обращаясь к Коротких с Брюховцом, — он тут буйствовал.

Портье обвел рукой пространство, предлагая вниманию картину впечатляющего разгрома.

— Кто буйствовал, крыса ты этакая?! — прошипела бойкая спутница невинно пострадавшего.

Коротких с Брюховцом по инерции сочувственно покачали портье головами и предпочли удалиться от назревающего нового скандала. Побродив немного по пятому этажу, они вернулись к себе, где Коротких тут же упал на кровать и мановением руки, на манер римского трибуна, возлежащего на ложе, отправил легионы в бой:

— Заступай на пост.

— Почему я? — оскорбился Брюховец.

— Я тебя назначил. Больше некого. Хотя ты и не оправдываешь...

— Ты же сам видел, что он вышел! — оскорбился Брюховец.

— Я не смотрел... Потом, зато, видел, что было.

— Ну, мог он выйти и зайти опять, а? Или к Зеленому этому пойти? Что я, сквозь стены вижу! — разволновался Брюховец.

— Должен, — вынес вердикт Коротких, твердо решивший все свалить на напарника. — Не отвлекайся. Может, ты окна перепутал? Ты куда смотришь?

— Туда, туда! Третье окно слева, — вынужден был доложиться Брюховец под взглядом Коротких.

— Надеюсь, считать ты умеешь. Продолжай. Я покемарю немного. Загонял ты меня.

— Да не гонял я! Хотя тебе и полезно. Слушай, Бэзил, так в чем наши функции, я не понял? В чем состоит наше задание? Я, по-моему, тоже...

— Следим за Плешивым и Зеленым, — оборвал его Коротких. — Ими украдены несколько миллионов денег. Долларов.

— Настоящих!

— А то! Зеленые такие... Видел, по телевизору показывают иногда их? Или слыхал?

— Что, следим — и все?!

Коротких смягил веки, обозначая нежелание продолжать разговор.

— Ночью надо спать. Ожиренье будет.

— С тобой будет... Ночью мы будем дежурить. По очереди.

— Слушай, а что такая ерунда — следить? Зачем? — Брюховец принял новость близко к сердцу, замахав биноклем. — Брать надо. Ты же со мной! Мы их...

— Позвони Мужикову. Посоветуй. Все! Все вопросы к Валере. Он руководит операцией.

Еще долго нетерпеливый Брюховец невнятно ворчал. Он нахохлился, уперся локтями в подоконник и принял позу впередсмотрящего, вооруженного последними достижениями оптики.

Продолжение следует.